

*Пробуждение
Оракула*



Катерина Пламенная

Катерина Пламенная

Пробуждение Оракула

<https://litres.ru/73854571>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не знала, что в ней дремлет дар. Пока боль не заставила его проснуться. Ее сны были не просто фантазиями. Они были окнами в другие жизни. Когда рухнул ее собственный мир, Анна обнаружила, что является оракулом — женщиной, видящей то, что скрыто. И она не одна. Собрав вокруг себя таких же, как она, женщин с уникальными способностями, Анна создает тайную мастерскую, которая становится их убежищем и оружием. Но ее муж, суровый военный, тоже хранит страшную тайну. Кто он на самом деле — любящий супруг или холодный исполнитель приказа? Чтобы выжить, Анне предстоит распутать клубок лжи, где магия переплетается со шпионскими играми, и найти в себе силы простить, чтобы обрести настоящее счастье.

Содержание

Глава 1. Сны, что не снятся другим	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Катерина Пламенная

Пробуждение Оракула

Глава 1. Сны, что не снятся другим

Шепот сквозь бархатную мглу. Он был теплым, как прикосновение губами к виску, и звенящим, как хрустальный бокал. В этом шепоте была вся вселенная, сотканная из обещаний и нежности.

— Анна... Моя Анна...

Она утонула в нем, как в пуховой перине, не чувствуя веса собственного тела. Вокруг не было ни света, ни тьмы — лишь вибрирующая, переливающаяся субстанция чистых возможностей, где время текло иначе, подчиняясь ритму ее сердца. И он держал ее за руку. Его пальцы, длинные и уверенные, сплетались с ее пальцами в идеальном замке, и в этой точке соприкосновения рождалась искра. Она разбегалась по ее жилам миллиардом сияющих частиц, каждая из которых пела о счастье.

Перед ее внутренним взором проплывали образы, наложенные друг на друга, как на двойной экспозиции старой пленки — призрачные, но невероятно яркие. Она видела себя в простом белом платье из легкого хлопка, струящемся по фигуре. Не в фате, усыпанной бриллиантами, а с венком

из васильков и ромашек в волосах. Они стояли в высокой, по колено, траве на самом краю обрыва, внизу с грохотом билось о скалы изумрудное море, а ветер трепал его темные, непослушные волосы.

Артем.

Он смотрел на нее, не отрываясь, и в его глазах, обычно таких насмешливых, острых и чуть отстраненных, была бездонная, почти пугающая своей интенсивностью нежность. В этих глазах тонуло все: и шум прибоя, и крики чаек, и само течение времени.

— Ты согласна? — прошептал он, и его голос, низкий и бархатный, был похож на отдаленный гром, предвещающий благодатный ливень. — Пройти со мной весь путь? Быть моей путеводной звездой, моим домом, моим воздухом?

Во сне она кивала, не в силах вымолвить ни слова, и слезы безмерного счастья горячими ручьями текли по ее щекам, солоноватые на вкус. Она чувствовала, как из его ладони в ее ладонь перетекает не просто тепло, а нечто большее — целая вселенная, тщательно выстроенная и существующая только для них двоих. Она видела их будущее, как наяву: маленькую, но уютную квартиру с панорамными окнами, залитую закатным солнцем; их безудержный смех над пригоревшей пастой на крошечной кухне; две зубные щетки в одном стакане в ванной; его большую, сильную руку, лежащую на ее округлившемся животе, где уже теплилась новая жизнь...

Этот сон был таким ярким, таким осязаемым, что хруп-

кая граница между реальностью и вымыслом окончательно растворилась. Она верила в него. Верила всем неровным, захлебывающимся биением сердца, каждой клеточкой своего существа, каждой фиброй души. Это была не фантазия — это была ее правда, украденная, но теперь возвращенная.

А потом мир перевернулся с ног на голову.

Бархатная, уютная мгла внезапно сжалась, превратившись в ледяную иглу, которая с невероятной силой вошла ей прямо в грудь. Образы на мгновение исказились, закружились, словно в кривом зеркале ярмарочного аттракциона. Белое, невинное платье почернело и обуглилось по краям. Венок из полевых цветов рассыпался в прах, унесенный внезапно налетевшим вихрем. А его глаза... его прекрасные, любимые глаза стали пустыми, стеклянными, безжизненными. В них не осталось ни капли нежности, ни искры любви. Лишь холодная, отстраненная, вселенская пустота.

— Анна... — его голос стал металлическим, роботизированным, лишенным всяких эмоций. — Это была ошибка.

Игла в груди провернулась, и боль, живая, настоящая, раздирающая, разорвала ее изнутри на тысячи окровавленных осколков.

Она не закричала. У нее просто перехватило дыхание, и она перестала дышать.

Анна проснулась. Резко, с коротким всхлипом, как будто вынырнула из ледяной воды после долгого пребывания на

глубине. Глаза заливали слезы, горячие и соленые, оставляющие на коже влажные, липкие дорожки. Она лежала на спине, уставившись в знакомый потолок, где призрачные тени от фар проезжающих машин медленно ползли, словно безмолвные призраки, отбрасываемые миром, которому до нее не было никакого дела.

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим, болезненным стуком в висках. Она прижала ладони к глазам, пытаясь выдавить, выжечь каленым железом остатки сна, его обжигающую, предательскую реальность. Но образы впились в подсознание цепкими когтями.

«Опять. Опять этот чертов сон».

Он приходил к ней с пугающей, неумолимой регулярностью вот уже полгода. Всегда один и тот же выверенный сценарий: предложение руки и сердца, ослепительное счастье, пьянящее чувство обретенной судьбы, а потом — резкий, безжалостный обрыв в никуда, сопровождаемый пронзительной, почти физической болью. Это была не просто тоска по утраченным отношениям или несбывшимся надеждам. Это было сокрушительное ощущение, будто у нее украли не мужчину, а целую, настоящую, правильную версию ее жизни. Ту, где она была по-настоящему счастлива. Ту, которая должна была случиться по всем законам справедливости.

С трудом оторвав тяжелую, ватную от недосыпа голову от подушки, она взглянула на электронные часы на тумбочке. Ярко-красные, безжалостные цифры показывали 4:17 утра.

До ненавистного треля будильника оставалось еще два долгих часа, но она знала — сна больше не будет. Бессонница стала ее верной, неотступной спутницей после того, как Артем ушел.

«Нет, не ушел, — безжалостно прошипел в голове ее внутренний голос, звучавший подозрительно похоже на голос матери. — Он тебя бросил. Цинично и подло бросил ради той, Ольги, с правильной фамилией, выгодными связями и состоятельными родителями».

Анна сбросила с себя одеяло, которое вдруг стало казаться неподъемным. Воздух в комнате был прохладным, она почувствовала озноб. На ощупь, в полумраке, она нашла на стуле свой большой, уродливый, но невероятно уютный кардиган цвета спелой вишни и накинула его на плечи. Ткань, мягкая от многочисленных стирок, пахла домом, привычным стиральным порошком с запахом альпийских лугов и легкими, едва уловимыми нотами ее духов — ваниль и сандал. Успокаивающий, предсказуемый, безопасный запах.

Она босиком прошла в крошечную, тесную кухню, щелкнула выключателем. Яркая, люминесцентная лампа заставила ее зажмуриться от резкой боли в глазах. Сознание протестовало против этого вторжения дня. Ритуал заваривания кофе — медленный, почти медитативный, отточенный до автоматизма — немного привел дрожащие нервы в порядок. Она молола свежие зерна, вдыхала горьковатый, терпкий аромат, заливала крутым кипятком в старый, проверен-

ный френч-пресс. Все действия были выверены, отточены за месяцы одиноких, тоскливых подъемов, заполненных лишь эхом собственных мыслей.

С большой керамической чашкой с дымящимся черным кофе она подошла к окну. Ее квартира находилась на пятом этаже типовой панельной девятиэтажки, ничем не примечательной, как сотни других в спальном районе. За окном медленно, нехотя светало. Небо из угольно-черного постепенно превращалось в густо-синее, затем в сиренево-серое, цвета мокрого асфальта. Уличные фонари еще горели, отбрасывая на мокрый от ночного дождя асфальт длинные, дрожащие, желтоватые тени. Город только-только начинал просыпаться, шевелясь в предрассветной дремоте, и в этой звенящей тишине было что-то щемяще одинокое, навевающее грусть.

Она прикоснулась кончиками пальцев к холодной, почти ледяной поверхности стекла. Где-то там, в этом огромном, спящем городе-лабиринте, жил он. Артем. Вероятно, сейчас спит в обнимку с той самой Ольгой в своей квартире в центре. Своей официальной невестой. А может, уже женой? Анна не знала и всячески старалась не хотеть знать. Ровно полгода назад она с гордым, исступленным упорством вычеркнула его из всех своих социальных сетей, выбросила в мусорный бак его вещи, забытые у нее, сменила номер телефона. Она сделала все, что полагается делать сильной, самодостаточной женщине, чтобы стереть его из своей жизни, как досадную ошибку. Все, кроме своих снов. Проклятые, пре-

дательские сны продолжали свое черное дело.

— Хватит, — прошептала она сама себе, делая большой глоток обжигающего, горького кофе. — Сегодня новый день. Все будет по-другому.

Но слова повисли в спертom воздухе кухни, пустые, безжизненные и лживые. Она знала, что новый день будет точной, до мелочей, копией вчерашнего. Монотонная, рутинная работа. Одинокaя возврат домой. Гробовая тишина квартиры. И предательские сны, которые были в сотни раз ярче, реальнее и желаннее, чем вся ее серая, бесцветная жизнь.

Работа Анны была одновременно ее спасением и ее личной, изощренной пыткой. Она работала дизайнером интерьеров в небольшой, но достаточно известной в узких кругах студии. Эта работа позволяла ей с головой погружаться в чужие жизни, в чужие мечты о доме, уюте, семейном гнездышке. Она была творцом идеальных, гармоничных пространств для других людей, в то время как ее собственное жизненное пространство состояло из призраков, несбывшихся надежд и нереализованных возможностей, пылящихся на полках памяти.

Войдя в офис — модное открытое пространство с кирпичными стенами, хромированными деталями и черным кожаным диваном — она попыталась напустить на себя привычную маску деловой уверенности и легкой, ни к чему не обязывающей улыбки.

— Всем привет, — бросила она, вешая пальто на деревянную вешалку.

— О, Ань, ты как раз вовремя! — ее коллега и, пожалуй, единственная подруга, Ира, вынырнула из-за огромного монитора. У Иры были вечно встрепанные, выкрашенные в розовый цвет волосы и неиссякаемая энергия щенка, только что выпущенного на волю. — Смотри, что нам прислали заказчики по проекту «Лофт на Патриарших»! Вообще нечто! Хотят фиолетовый бархат в сочетании с сусальным золотом на потолке. Я уже в предвкушении, как ты будешь их тактично и дипломатично переубеждать, сохраняя наши гонорары.

— Именно! Но они платят. И платят очень, очень хорошо. Так что, прояви все свое дизайнерское волшебство и сделай из этого конфетку. Анна слабо улыбнулась, чувствуя, как натянутые мышцы лица протестуют против этой имитации жизнерадостности. — Фиолетовый бархат и позолота? Звучит как бордель времен упадка Римской империи. Безвкусица в квадрате.

Волшебство. Слово, неосторожно сорвавшееся с языка Иры, задело ее за живое, словно обнаженный нерв. Если бы у нее и вправду было волшебство, разве стала бы она тратить его на уговоры богатых, но бездарных нуворишей отказаться от фиолетового бархата в пользу чего-то более эстетичного? Она бы... Она бы что сделала? Вернулась бы в тот сон и навсегда осталась в нем? Или изменила бы его позорный, болезненный конец? Сделала бы так, чтобы он стал правдой?

—Ладно, покажи мне полный бриф и их пожелания. Посмотрим, что можно выжать из этой абракадабры. Она с силой встряхнула головой, словно отгоняя назойливую муху, отгоняя навязчивые, опасные мысли прочь.

Она погрузилась в работу с почти маниакальным упорством. Эскизы, подбор материалов, текстуры, цветовые палитры, создание 3D-моделей. Это был язык, который она понимала безупречно. Язык линий, форм, объемов и оттенков. Он был логичным, предсказуемым, послушным ее воле. В отличие от хаотичного, неуправляемого кошмара ее снов и собственных эмоций.

—Ты опять не выспалась. Глаза как у панды. Опять эти... сны? За обедом в уютном кафетерии на первом этаже их здания Ира, с аппетитом уплетая салат с тунцом, внимательно, почти по-матерински посмотрела на нее.

—Я справлюсь, Ир. Не беспокойся, правда. Само пройдет. Анна пожалала плечами, с наслаждением отламывая хрустящий кусочек свежей булочки. —Ничего нового. Все тот же старый добрый хит. Просто... переутомление, наверное. Нервы. —Может, тебе все-таки к врачу сходить? К неврологу или к хорошему психологу? Это же ненормально, Анька, каждую ночь как в кино ходить. Организму нужен отдых, а не ночные сеансы мелодрам с твоим участием.

Но Ира беспокоилась. Она была единственным человеком во всей вселенной, которому Анна хоть что-то, очень скупно и обрывками, рассказывала о своих снах. Конечно, не всю

правду. Не ту пронзительную, физическую боль при пробуждении, не ощущение потери настоящей реальности. Она говорила просто, сводя все к бытовухе: «Снится бывший. Снится, как все было хорошо».

— Знаешь, — Ира отложила вилку и наклонилась через стол, понизив голос. — Мой Сашка вчера обмолвился, что его друг, тот самый, с которым они вместе в армии служили, недавно расстался с девушкой. Парень, говорит, вроде ничего, симпатичный, с чувством юмора. И главное — военный. Стабильность, ответственность. Не хочешь познакомиться? Созвониться как-нибудь?

— Да что в тебе разбираться? — Ира развела руками. — Умница, красавица, талантливый дизайнер, самостоятельная. Какой-то риэлтор с подмоченной репутацией не оценил — да и черт с ним, его проблемы. Ты должна двигаться дальше, милая. Жизнь-то на паузе не стоит, как ни крути. Анна закатила глаза к потолку, испещренному модными спотами. — Пожалуйста, умоляю, только не это. Я сейчас абсолютно не в форме для свиданий, слепых знакомств и прочих смотрин. Мне бы с собой разобраться, с этой кашей в голове.

— Знаю, знаю. Спасибо за заботу. Как-нибудь... потом. Обещаю подумать. «А стоит, — горько подумала Анна, глядя на темный кружок своего кофе. — Стоит с того самого дня, когда он ушел. И я не знаю, как снова запустить ее». Но вслух, из вежливости, она сказала:

Она знала, что Ира по-своему права. Но как можно дви-

гаться дальше, если прошлое каждую ночь хватает тебя за руку с цепкой силой призрака и с жестокостью тащит обратно, в параллельную, такую желанную и такую недостижимую реальность, где ты по-настоящему счастлива?

Вечером она задержалась в офисе допоздна, доделывая и доводя до идеала презентацию для тех самых клиентов с фиолетовым бархатом. Было уже совсем темно, когда она наконец вышла на улицу. Город за день преобразился, наполнившись иным, ночным дыханием. Горели тысячи огней, с витрин магазинов смотрели нарядные манекены, спешили по своим делам люди с покупками в ярких пакетах, пахло жареными каштанами и глинтвейном с маленького лотка на углу. Предновогодняя, почти истеричная суeta только-только начинала набирать свои обороты, но Анна чувствовала себя отстраненным наблюдателем, не способным разделить это всеобщее оживление.

Она шла медленно, воротник пальто поднят от пронизывающего, холодного ветра, руки глубоко засунуты в карманы. Она не хотела домой, в давящую тишину, где ее будут ждать лишь горькие воспоминания и тягостное предчувствие нового ночного кошмара. Свернув в знакомый, тихий переулок, она почти на автомате зашла в небольшую, ничем не примечательную кофейню, где бариста знал ее в лицо и всегда готовил ее любимый капучино с двойной порцией корицы.

Кофейня была крошечной, всего несколько столиков, заставленных книгами и свечами, но в ней царила особая, домашняя атмосфера и пахло настоящим, свежесмолотым кофе и сдобной выпечкой. За стойкой работал молчаливый, сосредоточенный бариста, а в дальнем углу, у самого окна, сидела влюбленная парочка, тихо разговаривая, держась за руки и глядя друг другу в глаза. Анна отвернулась, чувствуя знакомый, острый, почти физический укол где-то под сердцем. Эта простая, естественная близость, это безмолвное понимание вызывали в ней болезненную волну зависти и щемящей тоски.

Она взяла свой дымящийся стаканчик и устроилась на высоком барном стуле у стены, достала планшет, делая вид, что проверяет рабочую почту. На самом деле она просто наблюдала. Рассеянно следила за людьми. За их жизнями, такими чужими и далекими. Вот молодая девушка счастливо смеется над сообщением в телефоне, ее лицо озарено улыбкой. Вот солидный мужчина что-то увлеченно и громко рассказывает своему компаньону, размахивая руками. Вот уставшая женщина с маленьким ребенком пытается уговорить его выпить сок из трубочки.

И вдруг ее взгляд, скользящий по залу, зацепился за знакомый, до боли родной и одновременно ненавистный профиль. У входа, только что войдя с улицы, застыв в нерешительности, стоял он.

Артем.

Он стоял, медленно оглядывая полупустую кофейню, и его взгляд скользнул по ней, не узнав на мгновение, а потом резко вернулся и остановился на ее лице, будто вкопанный. Его глаза, те самые, что снились ей каждую ночь, расширились от изумления.

Мир для Анны снова замер, остановился, как испорченная пластинка. Все звуки — бормотание кофемашины, тихая музыка, смех той парочки — отдалились, превратились в глухой, невнятный гул где-то далеко. Она сидела, не в силах пошевелиться, сжимая в похолодевших пальцах теплый картонный стаканчик, чувствуя, как кровь отливает от лица. Он был таким, каким она видела его в последний раз — дорогое кашемировое пальто, безупречно сидящее на его широких плечах, темный, уложенный изящной небрежностью шарф, уложенные дорогим гелем волосы. Но что-то было не так, какая-то важная деталь изменилась. В его всегда безупречной осанке не было прежней, почти наглой самоуверенности. В глазах, которые она когда-то считала насмешливыми, умными и такими притягательными, читалась глубокая, выцветшая, неизбывная усталость. И что-то еще... Сожаление?

— Анна, — произнес он, и его голос, всегда такой звучный и уверенный, прозвучал глухо, надтреснуто, не так, как в тех сладких, предательских снах. — Привет. Он медленно, будто преодолевая невидимое сопротивление, подошел к ее столику.

Она не знала, что сказать. Какие слова могут быть умест-

ны здесь и сейчас? Банальное «привет»? Дежурное «как дела»? Язвительное «как поживает твоя невеста»? Все казалось фальшивым, ненужным, режущим слух.

— Артем, — наконец выдавила она, и ее собственный голос показался ей чужим, доносящимся из-под воды.

— Можно? — он кивнул на свободный стул напротив нее. Неловкая, давящая пауза затянулась, наполняя пространство между ними невидимым напряжением. Он переминался с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Анна молча, почти незаметно кивнула. Что еще ей оставалось делать? Устроить сцену? Поднять крик? С достоинством удалиться? Любой вариант казался театральным и фальшивым.

— Ты... хорошо выглядишь, — сказал он, и в его голосе прозвучала неуверенность. Он сел, снял кожаные перчатки, положил их на столик. Его пальцы, те самые, что так часто снились ей переплетенными с ее пальцами, нервно, отрывисто постукивали по деревянной столешнице.

— Спасибо, — автоматически, вежливо ответила она, глядя куда-то мимо него. — Ты тоже.

Еще одна мучительная пауза. Звук работающей кофемашины внезапно показался ей оглушительным, как рев реактивного двигателя.

— Я здесь часто бываю, — соврала она, глядя в свою чашку. Бывала она в этом месте от силы второй раз в жизни. —

Я... я не ожидал тебя здесь увидеть, — сказал он, избегая смотреть ей прямо в глаза.

— Я знаю. Вернее, не знал. Просто... зашел случайно. Прогуливался.

— Анна, мне жаль. Очень жаль, что все так вышло. Понимаю, что эти слова ничего не значат, но... я должен был это сказать. Он помолчал, собираясь с мыслями, потом все-таки поднял на нее взгляд, и в его глазах было что-то такое, от чего ее сердце сжалось в комок. Не знакомая боль, а какое-то странное, щемящее предчувствие, тревожный звоночек.

Она почувствовала, как по ее спине пробежали ледяные мурашки. Не из-за самих его слов, а из-за тона, каким они были произнесены. В нем не было привычной фальши или показного раскаяния. Сквозь него пробивалась какая-то отчаянная, горькая, неотполированная искренность.

— Что именно «вышло», Артем? — ее голос дрогнул, предательски выдав ее волнение. — Ты сделал мне предложение, а ровно через неделю я совершенно случайно узнала, что у тебя есть официальная невеста. Все вышло очень четко, ясно и конкретно. Как по нотам.

— Запутался? — она не смогла сдержать короткую, горькую усмешку. — Ты не в паутине запутался, Артем. Ты сделал свой осознанный выбор. И я его приняла. Скажи спасибо, что я тебя не держала, не устраивала истерик и не лила тебе слезы в жилетку. Он потупил взгляд, разглядывая узоры на столешнице. — Это было... невероятно сложно. И глупо

с моей стороны. Чудовищно глупо. Я просто... запутался тогда.

— Я знаю. Ты была сильной. Намного сильнее меня в той ситуации. — Он с нервным жестом провел рукой по лицу, и она заметила, что пальцы его слегка дрожат. — С Ольгой... у нас не сложилось. Совсем.

Вот оно. То, чего она, казалось бы, должна была ждать все эти долгие шесть месяцев. Момент торжества, сладкого, хоть и запоздалого реванша. Признание его ошибки, его поражения. Но вместо ожидаемого чувства торжества и удовлетворения она почувствовала лишь глухую, гулкую пустоту в душе и легкую, подкатывающую к горлу тошноту.

— Мне жаль, — сказала она, и это была чистая правда. В этот момент ей было искренне жаль его, жаль ту глупую, наивную, безгранично доверчивую девушку, которой она была полгода назад, жаль эти напрасно растроченные, выброшенные на ветер чувства, жаль ту любовь, что оказалась фальшивкой.

— Она... — он замялся, подбирая слова, — оказалась не той, за кого себя выдавала. Совсем не той.

«А я была? — пронеслось в голове у Анны. — Была ли я для тебя той, за кого себя выдавала? Или я была всего лишь частью какого-то твоего плана?» Но она промолчала, сжимая свои пальцы в кулаки под столом.

— Жизнь, — пожав плечами, с показным безразличием сказала она. — Всякое бывает. Ошибаться — свойственно

человеку.

Он смотрел на нее с таким странным, сложным выражением, будто боролся сам с собой, будто хотел сказать что-то очень важное, нечто гораздо большее, но не мог найти в себе сил или нужных слов. Будто видел перед собой не просто бывшую девушку, а нечто большее, какую-то утраченную возможность или разгадку сложной загадки.

— Нет, — мягко, но с железной, не допускающей возражений твердостью перебила она. — Не могли. Я искренне ценю твои извинения. И я правда сожалею, что у тебя не сложились отношения с Ольгой. Искренне. Но то, что было между нами, безвозвратно закончилось в тот день. Я выбрала себя. И не собираюсь отказываться от этого выбора, как бы ни сложились обстоятельства. — Анна, а мы... мы могли бы... как-нибудь...

Она произнесла эти слова и с внезапным, ошеломляющим удивлением поняла, что это чистая правда. Та боль, что грызла ее изнутри все эти месяцы, та острая, режущая рана в сердце — вдруг отступила, сменившись странным, непривычным чувством легкой грусти и... невероятного, всезаливающего облегчения. Он сидел перед ней — все такой же красивый, ухоженный, успешный, но глубоко несчастный, потрепанный жизнью человек. И он больше не был тем богом, тем мужчиной из ее снов. Он был просто смертным, который жестоко ошибся, пойдя на поводу у своих амбиций. И ее сны были всего лишь снами. Красивой, но абсолютно

ложной, несуществующей версией реальности.

—Я понимаю. Просто... хотел, чтобы ты знала. Что я сожалею. По-настоящему. Он кивнул, словно ожидал именно такого ответа, и в его глазах мелькнула быстро погасшая вспышка боли, но также — и странное уважение.

—Пока, Анна. Он поднялся со стула, его движения были немного скованными.

— Пока, Артем.

Он развернулся и вышел из кофейни, и дверной колокольчик прозвенел ему вслед, словно ставя точку. Анна сидела и смотрела на его недопитый стаканчик с чаем, оставленный на соседнем столике. Ощущение было странным, почти нереальным. Будто она перелистнула последнюю, тяжелую страницу очень долгой, очень трудной и безнадежно грустной книги и наконец-то смогла ее закрыть.

Она больше не чувствовала ни боли, ни гнева, ни обиды. Лишь легкую, щемящую, почти элегическую грусть по тому, что могло бы быть, но не случилось, и... колоссальное, всеобъемлющее облегчение, словно с ее плеч свалилась гиря, которую она тащила все эти месяцы. Призрак был упокоен. Изгнан. Он больше не имел над ней власти.

Она вышла на улицу. Порывистый, холодный ветер уже не казался таким пронизывающим и враждебным. Она подняла голову и посмотрела на небо, на темный, бархатный купол, усыпанный редкими, но невероятно яркими бриллиантами звезд. Холодными, далекими, недостижимыми, но такими на-

стоящими, такими реальными.

«Тот военный друг твоего Сашки...Он все еще в активном поиске?» Она достала из кармана телефон и открыла чат с Ирой.

«ААНЯ??? Ты ли это??? Сейчас же, немедленно отвечай, что случилось? С тобой все в порядке? Ты где?» Ответ пришел почти мгновенно, как удар тока.

«Да. В порядке. Даже больше. Лучше, чем была. По-настоящему». Анна улыбнулась. По-настоящему, впервые за долгие, долгие месяцы ее улыбка была не вымученной, не натянутой маской, а живой, легкой, идущей из самой глубины души.

Она отправила сообщение, сунула руки в карманы пальто и уверенной, быстрой походкой пошла домой. Впервые за последние полгода она не боялась наступающей ночи и тех снов, которые она могла принести. Потому что теперь она точно знала — какими бы они ни были, красочными или страшными, это всего лишь сны. Миражи. Тени. А реальность, пусть не такая яркая и идеальная, была здесь, вокруг нее. И она, наконец, была готова в нее вернуться. Жить в ней. Дышать полной грудью.

Она не знала, не могла даже предположить, что в эту самую минуту, в темной, неброской машине, припаркованной в тени через дорогу от ее дома, сидел мужчина. Высокий, с короткой, почти бритой стрижкой и жестким, волевым, незнакомым лицом. Он неотрывно смотрел, как она подхо-

дит к подъезду, как в ее окне зажигается свет, как ее силуэт мелькает за занавеской. Он не сводил с этого окна своих спокойных, внимательных серых глаз, пока она, наконец, не задернула шторы, отрезав себя от внешнего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.